Цена номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

Журнал ТАПП.

№ 10

Октябрь 1929 г.

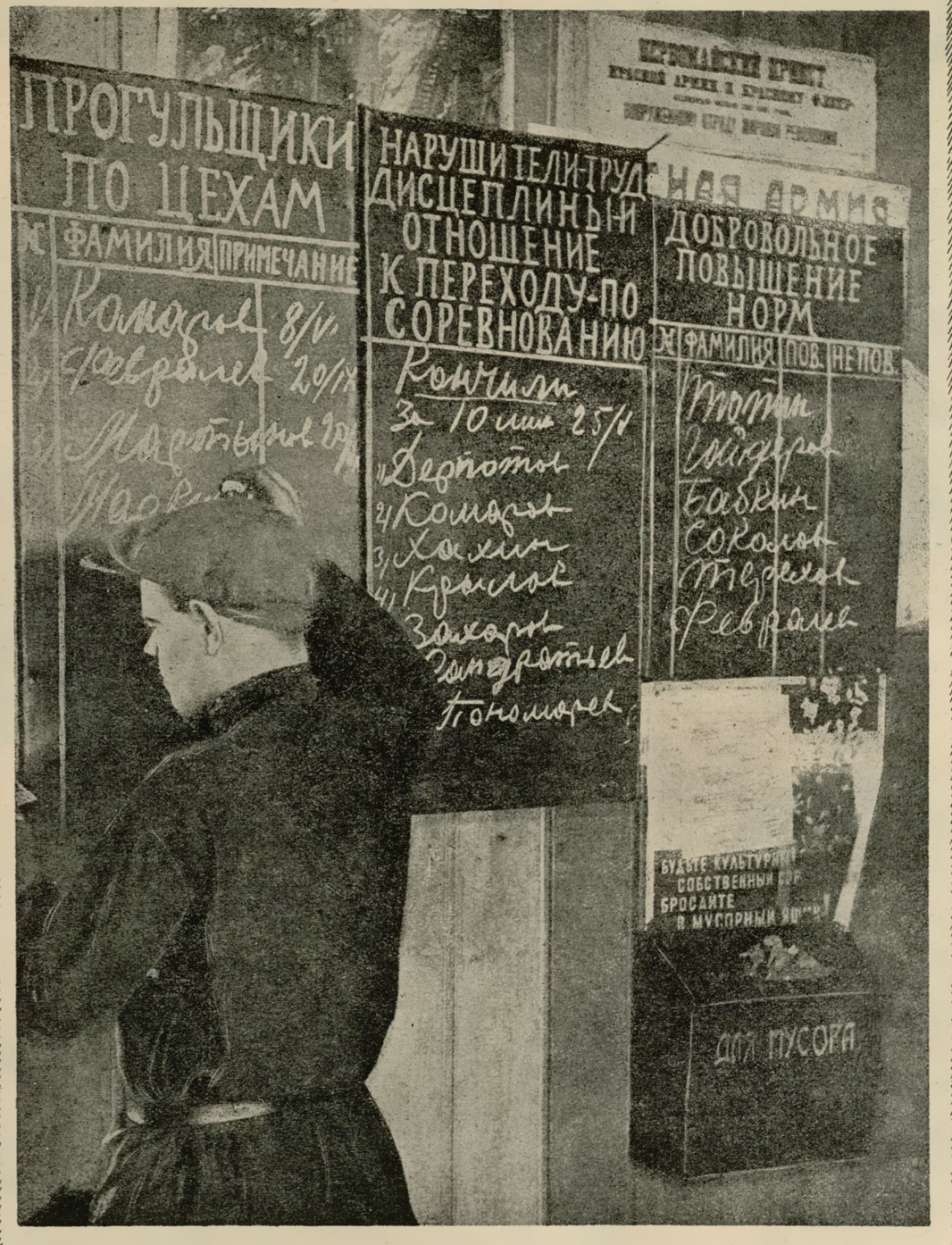
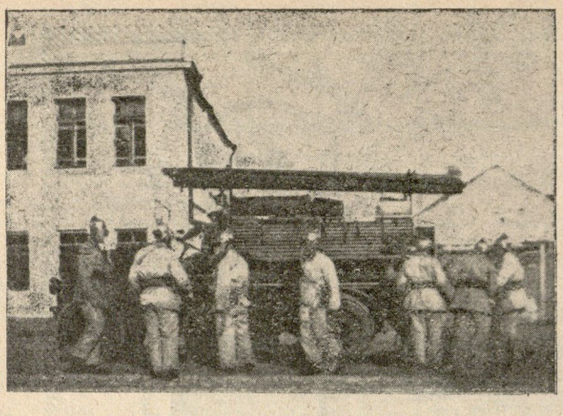
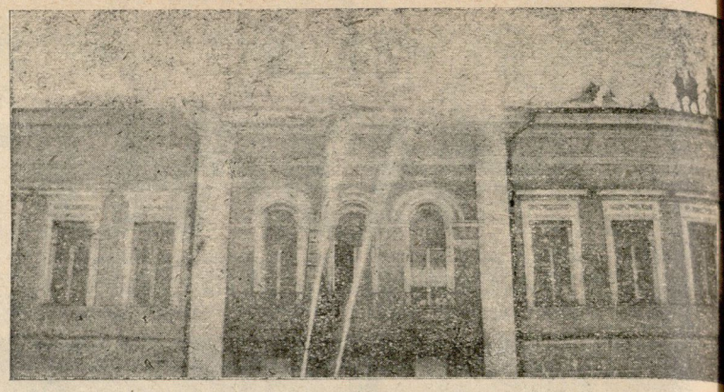

фото В.С.

ТУЛЬСКИЕ ПОЖАРНИКИ.

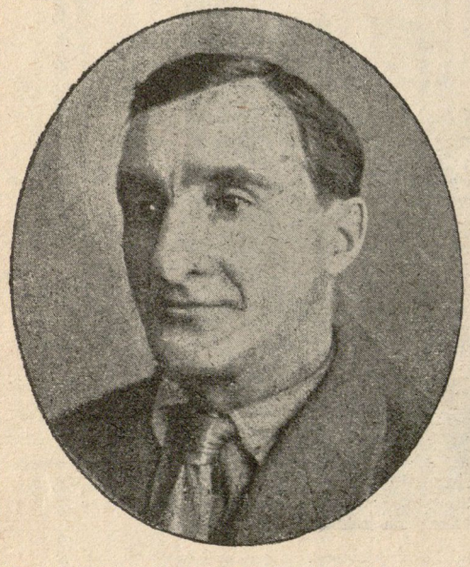

Работница самоварной фабрики им. Турчанинова, Пунковская, увлекаясь пудрой и помадой, дает систематический брак на работе.

КРАСНЫЕ ОБОЗЫ.

Тов. СУХАНОВ,
ветеран тульского велоспорта,
чемпион СССР.

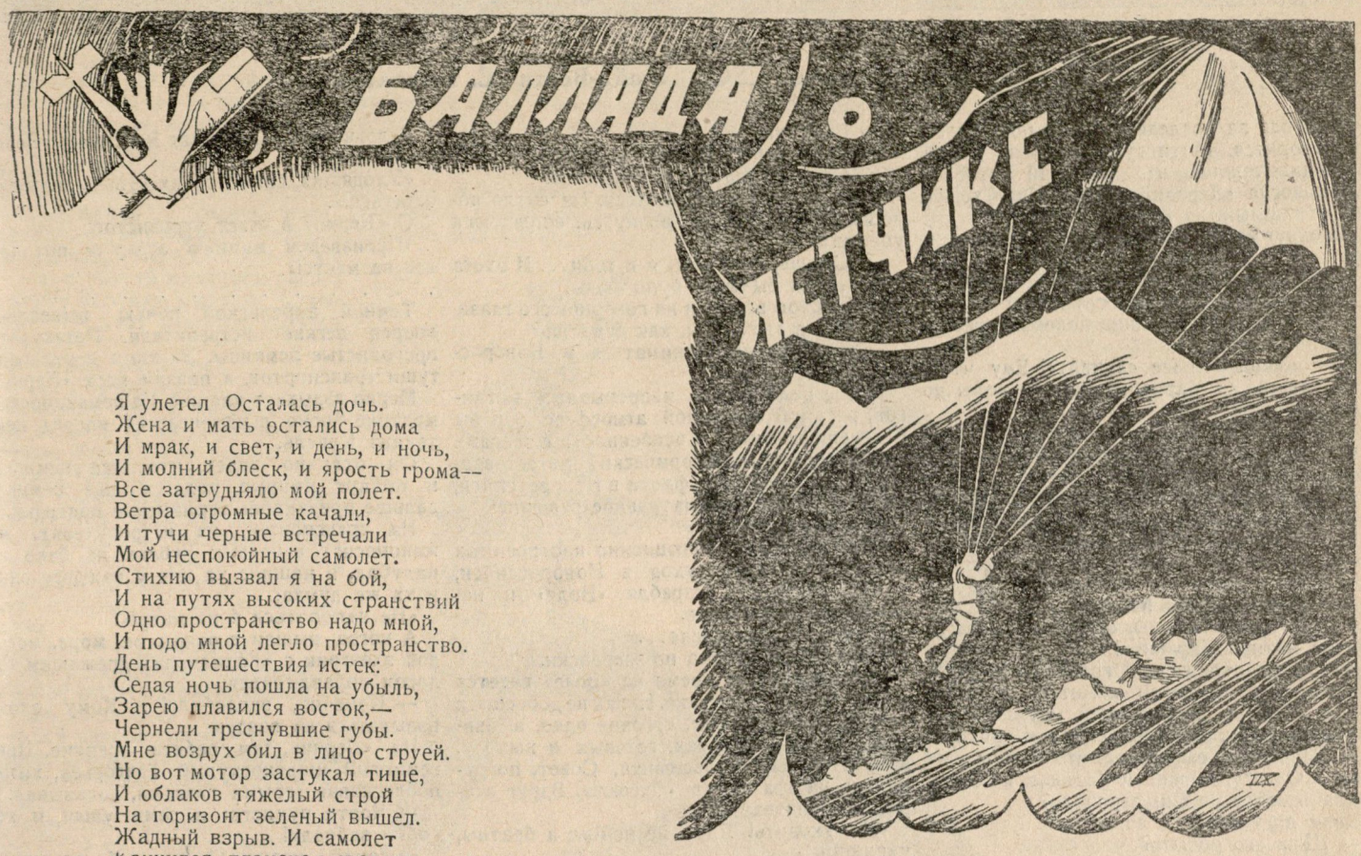
Ежемесячный литературно-художествен. журнал

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей

IV год издания. | Октябрь 1929 года. | № 10 (35)

6 12 29

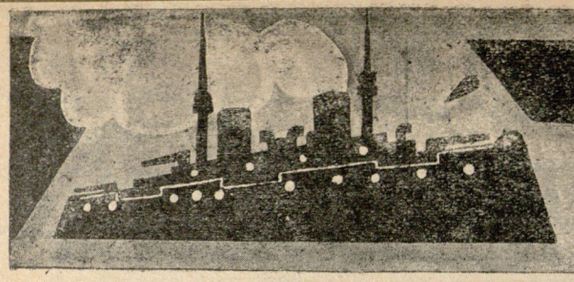

Я улетел Осталась дочь.
Жена и мать остались дома
И мрак, и свет, и день, и ночь,
И молний блеск, и ярость грома--
Все затрудняло мой полет.
Ветра огромные качали,
И тучи черные встречали
Мой неспокойный самолет.
Стихию вызвал я на бой,
И на путях высоких странствий
Одно пространство надо мной,
И подо мной легло пространство.
День путешествия истек:
Седая ночь пошла на убыль,
Зарею плавился восток,—
Чернели треснувшие губы.
Мне воздух бил в лицо струей.
Но вот мотор застукал тише,
И облаков тяжелый строй
На горизонт зеленый вышел.
Жадный взрыв. И самолет
Качнулся, пламенем сверкая,
И смят блистательный полет.
Пусть тело воздух рассекает!
Я шлем потуже натянул
И парашют легко расправил,
Я самолет в огне оставил
И в бездну синюю спрыгнул.
Навстречу море мне неслось
(Стонали отзвуки прибоя),
А парашют и вкривь и вкось
Чертил пространство голубое.
Когда дрожащая нога
Коснулась отмели песчаной,
В глазах качнулись берега
Завесой тонкой и туманной.
Я шел по гравию дорог
Голодный, рваный, истомленный,
И волны желтые у ног
Шипели яростью сметенной.
А через день над головой
Я услышал знакомый рокот,—
Вздохнул свободно и широко:
Меня нашел товарищ мой.
Качнулись снова берега
И смылись в голубинной дымке,
А в алюминиевой кабинке
Шагнула твердая нога...
Стихию вызвал я на бой,
И на путях высоких странствий
Одно пространство надо мной,
И подо мной легло пространство.

Андрей Алдан.

В КОЛХОЗЕ.

Как погиб черноморский флот

Отрывок из романа „SOS“ Зюйд-Веста (Е. Бывалова).

В городе за последнее время, чорт знает, что творится. Митингуют целыми днями. Не удивительно, что старший рулевой с миноносца «Дерзкий», Денис Квач, ходит, как обалделый.

А вокруг матросня волнуется, матюкается, орет:

— Заварили бузу, а мы расхлебывай!

— Побольше Саблина слухайте!

— Я на вашего Саблина положил крестообразно!

— Романца больше слухайте! Ему что!..

— Гавены да Марченки хиба-ж воны до путя доведут?!

— Что ж Гавен? Гавен—мужик крепкий!

— А тот патлатый, як его? Лещинский! Ему бы тильки трепаться!

— Бабу прислали!.. Пищит: «товарищи!». А что — товарищи, чертяка ее разберет...

— Флот необходимо вывести!

— Куда его к чортовой матери уводить?

— Флот—достояние Украины!

— Молчи, чортова Мазепа!

— Вот придут немцы, они вам покажут «ридну матирь Украину»!

Из гущи стриженых голов Кобзистов, председатель судового комитета с миноносца «Керчь», дробненький, щупленький, почти мальчик, высоким тенорком крикнул:

— Товарищи, вы знаете, что немцы уже заняли Одессу, Херсон и Харьков, а теперь приближаются на Симферополь?

Квач подумал:

— Щож его робыть?

А Кобзистов продолжал:

— Товарищи, оставаться долее в Севастополе безрассудно: немцы не сегодня — завтра будут тут... Мы — моряки; мы обязаны спасти наши суда, а не отдавать их в руки неприятеля.

— Довольно!

— Слыхали!

— Товарищи, довольно авралить!

— Сейчас раздумывать некогда!

Квач больше не колебался. Он смело подошел к Кобзистову, волнуясь, вполголоса убеждал:

— Слышь, товарищ, я к тоби... И охота тоби?.. Як бы-ж цо були люды.

Кобзистов вскинул на говорившего глаза

— Ну, а ты?.. Ты, как думаешь?

— Звистно як, — сниматься у Новороссейск!

После целого ряда непрерывных митингов, в самой отчаянной атмосфере борьбы с меньшевиками, а в особенности с эсерами и украинцами, категорически протестовавшими против ухода флота в Новороссийск, вынесено было окончательное решение:

Эвакуироваться.

Большинство революционно настроенных моряков было за уход в Новороссийск, кроме линейного корабля «Воля» и нескольких миноносцев.

Колеблется матросня...

Команда настроена по-эсеровски.

Вот почему все время на «Воле» ведется двойственная политика. Никак не добьешься ничего у них толком: сегодня одно, а завтра другое. На судах, готовых к выходу, артачится пар. Большевики, Совет, погрузились на транспорт «Оксоюз». Вдруг эсеровское воззвание:

«Не уходить! Идут не немцы, а братцы, украинцы!».

От командующего черноморским флотом адмирала Саблина радио:

«Поднять украинский флаг»!

Заавралили, зашебуршили на кораблях:

— В гроб, в крест, в кровину!.. Желто-блакитный подняли!

Раскололись команды на судах. Медленно поползли на тонких флагфалах красные флаги. В колком, пропитанном морской солью воздухе затрепыхали желтые с голубым украинские флажки. Только на миноносце «Керчь» попрежнему гордо пламенеет красный флаг.

А через секунду взвился сигнал:

Судам, идущим в Севастополь:

«Позор изменникам России»!

С «Оксоюза» делегация с Гавеном и Марченко. Торопятся на «Георгий Победоносец». Во что бы то ни стало надо добиться у командующего флотом, чтобы разрешил уйти судам, не желающим поднять украинский флаг.

Ни за что не удалось бы договориться, если бы не судовые делегаты с «Керчи», с «Хаджи-бея», с «Калиакрии», с «Пронзительного». Напористые ребята. Как ни вертелся командующий, все ж пришлось уступить.

Запели судовые антенны. По флоту радио:

«Желающие уходить должны покинуть бухту до 12 часов ночи, после чего выход из бухты будет минирован».

Затоктокали на готовых к выходу судах брашпили. С корабля на корабль шепотом передовали:

— Командовать будет «Калиакрия». Заместителем—«Керчь».

С ленковов «Свободная Россия» и «Воля» просигналили:

«Уходящих, силой своих пушек, заставим остаться!».

С «Керчи» в ответ угрозистое:

«Произведем минную атаку и потопим вас на месте!».

. . . . . .

Темной апрельской ночью вынеслись вперед легкие истребители. Потянулись прогонистые эсминцы. За ними неуклюжие туши транспортов, а позади всех «Керчь».

Мерно вздыхает машина. На командирском мостике зорко всматривается вперед лейтенант Кукель.

Он отлично знает, что еще немного, и пойдут минные поля, а еще немного дальше притаились германские подлодки.

На транспортах, на истребителях, на миноносцах, в боевых рубках, на баке, на палубах, в машине, на юте у каждого одна и та же думка:

«Не напороться б на мину!».

А когда вышли в открытое море, молодой электрик с «Калиакрии» дрожащим голосом оправдывался:

— Конечно, заслобило!.. Кому охота взрываться на воздух!

На «Керчи», там ребята крепкие. Приземистый, широкоскулый Григорьев, хитро поблескивая серыми глазами, доказывал:

— Чорта пухлого: и сами ушли, и коробки забрали!

Высокий, чернявый минный старшина Кулинич тоскливо вздохнул:

— Дредноуты-то там остались!

У Кобзистова на скулах заходили желваки:

— Вот придут немцы, они им пропишут кузькину мать! Как-никак, а первое мая празднуем в Новороссийске!..

— Ну, а дальше что?

Кобзистов, прищурившись, недовольно бросил:

— Там видно будет!

Оглянулся на корму. Мысленно подсчитывал идущие в кильватер суда: два дивизиона истребителей, «Керчь», «Калиакрия», «Пронзительный», «Пылкий», «Громкий», «Поспешный», «Хаджи-бей», «Живой», «Лейтенант Шестаков», «Лейтенант Баранов», «Оксоюз», «Эльбрус» да еще четыре штуки транспортов. Далеко... Не разобрать... Со злостью подумал о тех, что остались в Севастополе. Как-то невольно вырвалось:

— У-у, сволочь соленая!

. . . . . .

На другой день по прибытии эскадры на «Стандарте», на элеваторе, на ст. Тоннельной, в Геленджике, в самом городе прохожие спрашивали у моряков:

— Правда, что из Севастополя идут остальные суда под командой Саблина?

На что моряки недоверчиво отвечали:

— Брось трепаться!

Но когда после обеда на горизонте показались закутанные дымом «Воля», «Свободная Россия», а за ними «Строгий», «Трян», «Жаркий», «Дерзкий», «Пылкий», «Беспокойный», со стороны команд раньше пришедших судов в мегафон понеслись густо просмоленные шуточки:

ТОВАРИЩ!

Если ты друг „МОЛОТА“, то должен подписаться на журнал сам и завербовать не менее двух подписчиков из твоих товарищей.

О подписке заявляйте вашему уполномоченному по сбору подписки.

не остались?

— Или братцы-украинцы вас плохо приняли?

— Эй, вы, гаврики! Слабо вам было в Севастополе оставаться!

— Гайка не держит! Эх, вы, Мазепы!

За оркестром музыки на адмиральском корабле «Воля» трудно что-либо разобрать. Долго еще отругивались на вновь прибывших судах.

. . . . . .

Квач, как только можно было уйти с «Дерзкого», сейчас же на «Керчь». Волнуясь, переплетая русские слова с украинскими, передавал:

«Двадцать девятого чи двадцать восьмого — нэ помню, та ни мабудь, двадцать девятого апреля, як тильки вы ушли, зараз у городи поднялась така паника, що нэ дай-же-ж бог! Послали у Синхвиполь дилигацию, потому, як нам передовалы, там свои украинци... Тильки воны туда заявылись, а там замисто своих немец командующий, генерал Гохман. Воны до его, а вин: «Я выполняю распоряжение Берлина, а потому Черноморский хлот должон сдаться мне!»...

У кого-то вырвалось:

— Вот сучий рот!

— Наши ему и так и этак, а вин, стэрво, и разговаривать нэ хотить. Когда наши приихалы на «Волю», Саблин раскумекал, приказал зниматься на Вороссейск». А ж тильки тоди мы раскусилы, що большевыкы казалы правду. Утром у раньци сталы выходить, а немцы пидошли со стороны Бельбека и давай по нас из пушек крыть...

Одно знают — бабахають...

Григорьев грохнул матюком:

— Вот гад! И стрелять нельзя...

Квач продолжал:

— Ни одного снаряда нэ выпустылы, потому ни як невозможно лупить по городу, зато если б плюнулы...

Кобзистов спросил:

— Ну, а он в вас не попал?

— Одним снарядом долбануло...

— Кому?

— «Воле» в борт...

— Вот сволота!

— У них на «Стандарте»,—ребята с цементного завода сказывают,—что большевики, что меньшевики, один чорт...

Кобзистов успокаивающе:

— Кругом фронт. Немцы напирают, ну, им и заслобило... Ничего, ребята. С прибытием флота у них дух подымется.

Григорьев хмуро:

— Ну, а офицерство у вас как?

Квач встрепенулся:

— На других судах нэ знаю, ну, а у нас, на «Дерзком», есть такой — Щитков...

— Командир?

— Да.

— Ну, как?

— Ох, и гадюка!...

. . . . . .

Никак не может разобраться Квач: не успел приехать Саблин, срочно вызвали в Москву. Выступил врид-командира «Воли» Тихменев.

Двенадцатого июня немцы пред'явили РСФСР наглый ультиматум о возвращении и сдаче в двухнедельный срок флота, якобы незаконно ушедшего из Севастополя. В случае неисполнения грозили начать наступление по всему фронту.

Квач не знал, как ему ему быть.

— Чорты его батько знають, что с флотом робыться! Братва голову потеряла: один кричать топиться, другие выносять решение драться до последнего, третьи нэ сдаваться, а украинцы с «Воли», туды их мать, требують, чтоб обратно иттить — у Севастополь. Охфицерня, зависно, воны открыто не выступають, а по куткам шепчутся, да кого попроще обрабатывають.

— У, стервы!

— Мало их топыли!

Квач, размахивая руками, стараясь перекричать всех:

— Чули радио Совнаркома!.. Исполнить ультиматум, хлоту девятьнадцятого прибыть у Севастополь.

Кобзистов перебил:

Получено другое; точно но помню, но по смыслу выходит, чтоб флота не сдавать. Потопить до истечения срока!.. Поставить на обсуждение судовых команд, чтоб они сами вынесли решение. Товарищи, распоряжение центра надо выполнить!

Григорьев, визгливо срываясь на высоких нотах:

У Щиткова в руках сверкнул браунинг...

— Легко сказать, выполнить!

— Этому комиссару, что приехал, ему легко... Сука, у него декрет флот топить!

Кулинич скрипнул зубами:

— Жаль флота!

Квач исступленно:

— Я б его, гада, этим дикретом да по кумполу!

— Скурвились большевики!

— Сам ты — курва семишкивная!

— Кобзистов начальству винтит!

— Комиссар затрушенный!

— Я раздолбал комиссаров!

— Им только мир с немцами заключать, а немцы опосля того мира нас бьют, почем здря!..

— Братва высказывается против!

У Кобзистова режущий блеск большевистских глаз. Как-то фальцетом:

Цыц, шпана! Флот — революции нужен! Комитет партии постановил топить! Ревкому предложено привести в исполнение!

— А кто будет исполнять?

— Мы! Слыхали, что на делегатском собрании говорил Кукель? Суда необходимо затопить! Сопротивляться мы не в состоянии!

Откуда-то сзади несмело:

— Ждать ответа из Краснодара!

— На других судах не хлопають, собирають вещи, а сами, кто куда...

Кулинич резко:

— То на других... А на «Керчи» мы это не допустим! Топить, и никакая сила!

— Ты говоришь топить, а с кем? На судах народу раз—два, да и обчелся!

Григорьев скверно выругался:

— Разбежались, зануды!

Худощавый, породистый, чуть картавит. Это — командир эскадренного миноносца «Керчи» — Кукель:

— Товагищи, помните, наше постановление: «Кегчь» остается на своем посту!

. . . . . .

На берегу, собрав около себя кучку матросов, кто-то сорванным от пьянки, охрипшим голосом орал:

— Братишечки, комиссаров с их декретами по шеям!.. Кадюков к ногтю! Офицерню за борт,— на балье!... Долой красный, андреевский али там украинский флаг!.. Поднять черный с черепом!.. Анархия — мать порядку, а в случае, кто не согласен — у расход!

Кто-то из толпы насмешливо протянул:

— Ну-с, а дальше что?

Сипло, обтерев потное лицо, на секунду растерявшись, переспросил:

— Дальше?.. Захлебываясь, бухнул себя кулаком в грудь.— Дальше, братишечки, полдела!.. Приберем бражку к рукам и сейчас же радио: острокопытому гаду Петлюре, комиссарам, золотопогонным вампирам, занудам-немцам, всем, всем, всем!.. Черноморский флот кладет на вас крестообразно!.. Флот остается верен народу и до конца своей жисти будить жечь, топить, вообче выводить у расход врагов рабочего классу!

Из толпы, стараясь перекричать друг друга:

— Хведька, брось заливать!

— Даешь черный флаг!

— Заткнись!

— Даешь а-нар-хи-ю!

Откуда-то издалека кто-то залихватски выводил:

«Охвицер ма-ла-дой, ку-да-а ка-тишь-ся?

На «Ал-ма-аз» по-па-де-е-ешь, не во-ро-отишь-ся».

. . . . . .

Синевато-серые сумерки окутали верхушки лысых гор. Каменным пальцем наступил мол на опаловый залив. Сорвав тишину, жалобно завыла сирена, за ней другая, третья. В мозаике звуков гавани, рева пароходных гудков, лязга цепей, грохота лебедок чувствуется тревожное настроение. Взад и вперед шмыгают очертя голову юркие катера.

За эти дни до отказу напитался впечатлениями Квач.

А тут еще Саблин отдал приказ по флоту: «Готовиться к уходу в Севастополь».

Ребята с миноносца разбегаются. Те, кто остался в ожидании делегации из Краснодара, уже знают, что Краснодар подчиняется центру. Флоту предоставляется право решать свою участь самому.

В голове медленно копашатся мысли:

«Щиткова переводють на «Волю». Цо мабудь нэ спроста... Приказував, щоб и я з им... Шось воно нэ той»...

А когда узнал, что этой ночью «Дерзкий», «Беспокойный», «Пылкий», «Жаркий» и «Живой» уходят, пружиной стукнуло в мозг:

«Тикают»...

Вдруг над самым ухом:

— Квач! Свезешь на «Валю»...

Узнал голос Щиткова. У офицера в руке револьвер.

— Пошел на катер!

— Есть.

Затуртукал мотор. Сжимая в руке румпель, сощуренными от соленых брызг глазами окинул Квач огни уходящих судов. Совсем близко, разворачивая встречную волну, прошел эсминец. С «Пылкого» осветили молочным лучом прожектора Прочел на носу проходящего миноносца: «Дерзкий».

Сквозь зубы выдавил:

— У, гады проклятые! Контрики!

. . . . . .

Солнце палит. Знойно плавится день. На палубе дредноута кадеты, гимназисты, прапорщики, казачня, какие-то штатские. Все это галдит, суетится, путается не в свое дело и только мешает работе. Матросов— кого обманом, а кого силой; по своей воле не так уж много. Из труб густыми клубами дым, шуруют в кочегарке. На «Воле» нехватка людей Квач весь в угольной пыли, роняя на палубу пот и сажу, возмущался:

— Заставляють шуровать... Я ж не кочегар!

Запнулся, увидев этот деспотический рот, упрямый подбородок, этот жесткий взгляд ненавистных глаз и такое знакомое:

— Я тебе поговорю, ска-а-тина семишкивная!

— Теперь слобода!

У Щиткова в руках сверкнул браунинг.

— Ну!

Квач опрометью к трапу... Из кочегарки пахнуло жаром. Быстро перебирая ногами по ступенькам вертикальной железной лестницы, почувствовал, как дрогнул корабль. Завздыхала машина. Услыхал, как внизу кто-то с серебряными нашивками на рукавах, озлобленно топая ногами, требовал:

— Шур-руй!

Изнемогая от непосильной работы, молодой белокурый матрос, с ожогами на руках как-то истерически кричал:

— Бей, туды твою мать, бей!

Глухо прозвучал выстрел.

Квач, обжигая руки о горячие поручни, пружиной наверх. Жадно глотал соленый воздух. Разбойный ветер забрался к нему за тельняжку. Снял с крепкой загорелой шеи мокрую от пота сетку, воспаленными от огня топок глазами окинул бухту. Справа и слева узкие полосы света, на них толпы народа со знаменами. Береговой теплый ветер донес:

— На «Во-о-ле-е», име-не-ем на-ро-да, оста-но-о-ви-сь!

. . . . . .

На судах творилось что-то жуткое. Матросня тащила с кораблей кто что мог: зеркала, бинокли, хронометры, белье, мебель, часы, барометры, плюшевые занавески, сахар. Не отставала и обывательщина. Команды разбегались. Единственный миноносец, где команда осталась в полном составе, это—«Керчь».

Председатель судового комитета Кобзистов возмущался:

— Шпана чортова! Обобрали суда, а сами кто куда...

Командир миноносца худой, всегда такой корректный, не выдержал:

— Чогт знает что! На «Пронзительном» всего-навсего десять человек... Безобразие!

Кулинич ругается:

— Подлюки, некому открыть кингстонов! Тов. командир, у ревкома одна надежда на нас...

Забарабанил холеными, тонкими пальцами по стене боевой рубки:

— Спгавимся...

. . . . . .

Густыми толпами повалил народ на берег.

Хочется хоть одним глазком взглянуть, как из бухты на буксире выводят суда.

Волокут туда, к Дообу, волокут, чтобы потопить. Сами они не могут уйти. Разбежалась команда. Вчера еще гордо стояли они на якорях, боевые военные суда, а сегодня их волокут на кладбище.

Марченко, член ревкома, партиец, матрос, погрозил кулаком:

— Некому открыть кингстонов!

Толмачев успокаивал:

— Ничего, «Керчь» справится!

Подошел к окну:

— Тов. Марченко!

— Ну?

— Глянь, «Свободную Россию» все еще тянут!

Марченко сощурился:

— Ничего, немного осталось.

— А народ все идет и идет...

— Каждому охота посмотреть!

— Небось, радуются?

— Есть такие, что и жалеют...

Снял со стены цейсовский бинокль. Коротко бросил:

— Пошли!

Толмачев протянул руку:

— Дай-ка сюда! Видишь, «Керчь» подходит к «Свободной России»... Сейчас ей крышка... Три мины подряд... Молодец Кукель!

Через две минуты невооруженным глазом было видно, как взметнулись к небу столбы воды и дыма.

Точно раненое гигантское животное, сильно накренившись, медлено погружался носом дредноут «Свободная Россия»...

У Марченко со вздохом вырвалось:

— Амба!

Полным ходом рассекает «Керчь» острым водорезом голубую синь. На обратном пути, у входа в порт, где протянуты два больших серых каменных мола, догнал пароход, ведущий на буксире военное судно. Задушенно вздыхает пароход. С трудом тащит буксир покинутый командой миноносец.

С «Керчи» в рупор четко:

«Открыть кингстоны!»

Просигналил флагами приказание:

«От «Феодонисия» отойти».

Развернулся на месте, оставляя за собой пенистый след.

С мостика Кукель чеканно:

— Аппагаты — товсь!

Застыли минеры на своих местах. Привычным жестом: правая рука на боевом клапане, ногой на стопор.

В воздухе полоснуло:

— Выстрел!

Прыгнула жирно смазанная салом мина, взвизгнула и понеслась к миноносцу. Широко расставила ноги матросня. Знают: сейчас как ахнет!...

Оглушительный взрыв... Гигантский сноп воды и дыма. Покренился, тонет «Феодонисий». Лихо подошел еще к одному. Опять сухое:

— Товсь!

Чаще и чаще с жутким воем взрываются суда... С ревом врывается вода в пробоины. Медленно погружаются в синюю глубь корабли... На мачтах трепыхают сигнальные флаги:

«Погибаю, но не сдаюсь».

. . . . . .

Шелковым муаром ласково голубеет бухта. Тихо на дне моря... Лежат изуродованные «Свободная Россия», «Хаджи-бей», «Феодонисий», «Пронзительный», «Калиакрия», «Баранов», «Шестаков», «Сметливый», «Строгий», «Эльбрус», «Оксоюз», а немного в стороне шесть транспортов.

. . . . . .

Тихо на морском кладбище. Тычутся удивленные рыбы в стальные развороченные листы обшивки. Шмыгает в пробоинах, сверкая серебром, юркая камса.

На поверхности, разворачивая глубину, подняв сигнал: «Прощайте», уходит в открытое море эскадренный миноносец «Керчь»...

. . . . . .

На рассвете, когда сломалась ночи слюда, у обрубистого берега Туапсе, напротив батарей Канэ, гремят отрывистые корявые слова. Скрипят тали спускаемых катеров.

Это команда, с Кукелем во главе, подорвав судно и открыв кингстоны, не желая сдать врагу миноносец, высаживается на берег.

. . . . . .

Вечером на заседании ревкома т.т. Марченко и Толмачев читали радио: „Всем, всем, всем и за границу:

Потопив все суда черноморского флота, предпочитая позорной сдаче Германии — погиб эскадренный миноносец «Керчь».

Через три дня «Гебен», придя в Новороссийск, требовал выдачи командира и команды «Керчи».

Ответили последним радио: «Всем, вем, всем и за границу:

Потопив все суда черноморского флота, предпочитая позорной сдаче Германии — погиб эскадренный миноносец «Керчь»...

— —

Материалом послужили «Правда о гибели черноморск. флота». Изд. Штаба Морведа 1918 г.— В. А. Кукеля и очерк тов. Марченко «Десять лет назад» — газ. «Красное Черноморье» и др.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР.

Догорел и холодно синеет
Над пустынной далью небосклон.
Золотеют клены. Тихий вечер
Желтым светом листьев озарен.

Всполошились темным шумом птицы,
Снова тишь. Небесное гумно,
Как лукошко зернами пшеницы,
Золотыми звездами полно.

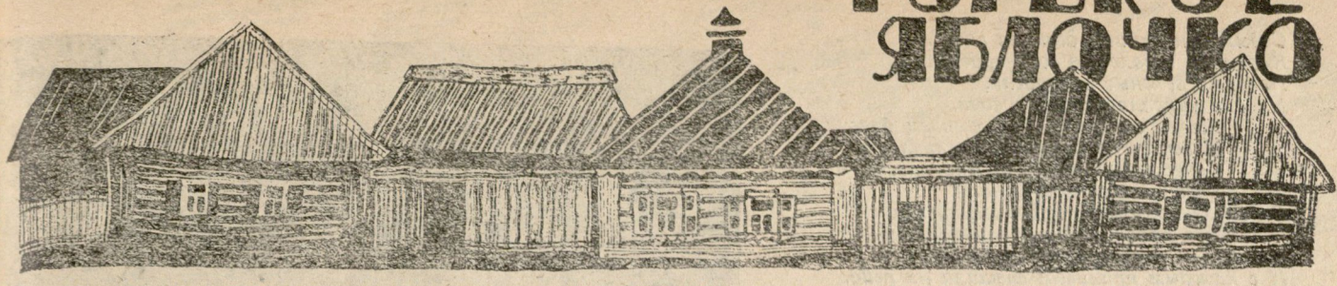
С. Клинский.

НА ОКРАИНЕ.

Здесь были болота.
Веками они
Смертельным туманом дышали.
... Мы камнем одели
Болотную хлябь
И рельсами прочно сковали.
И вот побежали трамваи—
Дзин, дзин...
Несем мы погибель туманам.
И пятятся робко
Прищурки-дома—
Дать место домам-великанам.

С. Дмитриев.

Горькое яблочко

Рассказ С. Дмитриева.

(Окончание).

II

За прокоптелыми заводскими корпусами, на горе, откуда, как на ладони, был виден город, строился рабочий поселок.

В марте, когда ноздрился рассыпчатый снег и тени на нем лежали сине и воздушно, когда в полдень было ослепительно ярко в снегах и по-весеннему темнели деревья, приходили сезонники, и скучные бараки на пригорки оживали.

Потом, сверкая победоносно, бурлили весенние воды, голубел теплый дымок у бараков, звенели (как будто раскалывался прозрачный зеленый ледок) топоры и пилы, и вечером ребята сезонники пели песни и играли на тальянке.

Случалось — напивались сезонники вина, одни от тоски по деревне, другие по обычаю, и тогда разгуливались натруженные в работе руки и не щадили ничьего живота.

Но в работе были сезонники дружны, красной крепостью вставали на горе кирпичные стены. А на Полевой улице собирались по вечерам бабы и смотрели на гору.

— Дома-то какие отгрохивают!—Слышь, с ванными будут квартиры-то...

Клуб построят... Училище...

Смотрел на постройку и Алексей Бурыков.

Он мечтал о собственном доме, о собственной мастерской, он ходил вокруг своей хибары, прикидывал в уме расходы на ремонт и с завистью поглядывал на соседний, новый дом.

Сосед Алексея, Агафон Еремин, построился в прошлом году, выкрасил дом охрой, крышу покрыл необычайной, голубой краской.

Работал Агафон на железной дороге, и все знали, что тащит он оттуда все, что утащить можно, а дома держит тайную мастерскую.

— Богатеешь, Агафон Павлыч! Гремин наметанным глазом сразу видел, какие мысли таятся в глазах говорившего.

Он видел зависть и презрение, он знал, что его собеседник, положа руку на сердце, должен был сказать: Ну, и жулик ты, Агафон.,. Ну, и стерва...

Но Агафон Павлыч, не моргнув глазом, выдерживал на себе любой взгляд.

— Что-ж... я трудом... трудом... я день и ночь отдыху не знаю,—отвечал он и нужного ему человека звал к себе, угощал вином, заводил разговор о трудных временах, о дороговизне, а потом предлагал работенку.

— Хошь, приходи, заработаешь, гляди, червонец, другой. Я, понятно, силком не тащу, как знаешь, я и один сделаю, а только я по человечеству, не жадный и сочувствие имею: всем лишняя копейка дорога.

И приходили к Агафону и до поздней ночи, подвыпившие, работали у него за гроши, а иной раз и за одну выпивку.

Работал у Агафона и Бураков, и от всей работы на одно похмелье заработка оставалось.

Был у Еремина сын Андрюшка, по прозвищу Лихой, такой же, как и отец рослый, длиннорукий и низколобый, пьяница, хулиган и вор.

Ванька завидовал Андрюшкиной силе и удали.

Летом, с ватагой мальчишек, он бегал за Андрюшкой, а Андрюшка учил ребят драться, петь похабные частушки и воровать.

Часто, обиженный отцом, Ванька говорил:

— Ладно, ладно.. вырасту вот, буду, как Андрюшка, я тебе тогда попомню, попомню.

О том, как он «попомнит» отцу, думал Ванька и сегодня.

На улице еще шел дождь но Ванькина рубаха давно уже высохла—Ванька играл в дурачки с Ленькой, и Ленькина мать пытала его вопросами:

— Што ж, отец-то, все пьет?

— Пьет.

— Небось, всю получку пропивает?

— Всю пропивает.

— А мать-то чего ж?

— Мать ничего...

— Дура она. Она бы его ухватом..,

Но вот отшумел дождь, вымытая лежала под солнцем улица, и тепло и душисто курилась трава.

Когда Ванька с Ленькой вышли на улицу, с крыши ртутными шариками падали последние капли дождя.

Ребята услыхали гармошку и не домой, а на гулянку, «на гармошку« побежал за Ленькой Ванька.

Окна кривого домика были открыты настежь, в доме пели песни и хохотали. Мальчишки увидели в окне Андрюшку Лихого. Он был пьян, низкий лоб его был почти до бровей закрыт гладкими волосами, пухлые губы были мокры и красны, и дико взглянули на мальчишек пьяные глаза.

— Пис... толеты,—выругался Андрюшка и послал мальчишек за папиросами.

И вот они принесли папирос, и Андрюшка позвал их в избу, где сидели ребята и нарядные девки, где пахло вином и пудрой.

Потом Ленька с Ванькой «русского» плясали—одобрительный хохот кружил им головы, они выкидывали диковинные «коленца», а девки визжали и хватались за животы.

В этот день первый раз в жизни вино обожгло Ваньке рот и помутило сознание. Он сидел рядом с Андрюшкой, курил и плевался, как взрослый, и рассказывал, что его отец завел маруху, что «была потеха»—мать рвала маруху и за волосья.

Ванька рассказывал, и все смеялись, и сам Андрюшка наливал Ваньке вина в граненую рюмку.

Когда Ванька пришел домой, мать ахнула и несколько секунд стояла, окаменев.

Потом у ней вырвалось стоном:

— Яблочко ты мое го..о..рькое! Отец выругался матерно:

— Вот чорт уродился! Весь в деда!

Водоросли.

Седым испарением дышала вода,
Казалось, в соленую воду вросли
Незримо зеленые водоросли,
На дне укрепляя свои провода.
Месяц в волнах отраженьем блеснул,
И встал на полночном причале.
Серебряный столб словно блесну
Бесшумные рыбы качали.
Горел за кормой фосфорический след.
Нас трое рабочих и скептик-ботаник,—
Мы брали сырую траву в океане
И с каждым приливом спешили на рейд.
В командировке бумажного треста,—
С оттенком геройства и крепкой отваги,
Мы изучаем с ботаником вместе
Морскую траву, как сырье для бумаги.
Когда расцветает и крепнет страна—
Фабрикам каждая мелочь нужна.
И каждую мелочь используем мы
В рациональном хозяйстве страны.
Бархатным утром и бронзовой ночью
Советский ученый, бумажник-рабочий,
Мы — проверяем богатое море
Точным анализом лабораторий.
Тонкой извилиной хрупкого мозга
Определяется творческий ум...

* * *

Над нами туман поднимался промозглый,
И вырос на отмели первый бурун.
Ломая свое студенистое тело,
Море качнулось и загудело,
Робко дрожа, проплывают медузы,
Стонет шаланда от жирного груза...
Негашеной известью волны шипят
На север, на юг, на восток, на закат.

Андрей Алдан.

☛ Подписался ли ты на „МОЛОТ“?

Мурзик

Эскиз Н. Стрекопытова.

Иван Иванович встал в самом скверном расположении духа.

Ночью снились кошмарные сны.

То дворник с метлой гнался за Иваном Ивановичем, то собака-ищейка хватала за икры ног, то, наконец, хороший знакомый, начальник тюрьмы, побрякивая ключами от камеры, приглашал Ивана Ивановича посидеть.

От всего этого у него щемило сердце и отчаянная мигрень болезненно сдавливала голову.

Кофе казалось чересчур горячим, пончики горчили, и, вообще, пропал аппетит.

—Барин, лошадь подана!—вбежала в столовую горничная Катя.

—Пусть едет в конюшню—я сегодня пешком пройдусь. Да, вот еще что, Катя: найдите там где-то мою старую пиджачную пару, в которой я за рыбой езжу.

—А разве ты сегодня на службу не идешь?—оторвалась от книги жена Ивана Ивановича, Лидия Васильевна.

—Конечно, иду, но не забудь, что сегодня „чистка“ и будут присутствовать рабочие. Как-то неудобно: скажут, чуждый элемент.

—Катя, скоро вы там дадите мне одеться.

—Сейчас, барин! Почистить надо ваш старый костюм: очень он грязен.

—Кого почистить? Не говорить дерзостей, Катя! А впрочем ничего, не стоит чистить. Давайте, какой есть, да поскорее!

Катя бесшумно исчезает.

—Я тебя, Ваня, не узнаю. Ты волнуешься, сердишься и сам не знаешь, что говоришь.

—Ох, Лида, мне что-то нехорошо. Сон плохой сегодня видел; голова болит и лихорадит.

—Не ходил бы ты сегодня, Ваня. Давай вызовем врача!

—Что ты, что ты! Да разве можно! Подумают, что я уклоняюсь от чистки. Нет, уж пойду.

—Ну, счастливый путь! Дай я тебя поцелую,—потянулась к Ивану Ивановичу жена.

—Фу, как это ты не можешь привыкнуть! Разве говорят: „счастливый путь“? Сказала бы: „ни пуху, ни пера“, а еще жена охотника! Просто вы меня сегодня взялись извести в конец.

Сердито хлопнув дверью, Иван Иванович вышел на двор.

От соседской двери дорогу Ивану Ивановичу переходил, медленно покачиваясь на ходу и лукаво посматривая на него, большой серый „Мурзик“.

—Эх, дрянь, дорогу переходит,—подумал Иван Иванович и стал обходить «Мурзика» спереди. Увидев такой маневр Ивана Ивановича, „Мурзик“ прибавил шагу.

—„Мурзик“, „Мурзик“, кис-кис, поди сюда, миленький!—ласково позвал Иван Иванович кота. Но тот, подняв вверх хвост, галопом промчался перед самым носом расстроенного Ивана Ивановича,

—Фу, сволочь! — пустил вдогонку коту трость Иван Иванович.—Положительно мне сегодня не везет. Как бы не вышла неприятность.

—Нет, надо взять себя в руки сейчас же,—подумал он и с удовлетворением оглядел свой костюм.

Пиджачишко с заплатой, рукава обтрепаны и карманы оттопырились, как кошелки. Брюки того лучше: и обтрепаны, и с заплатами, а на коленях так растянулись, что раздуваются пузырями.

—Похож ли я на „чуждого“ или тем более на бюрократа?—улыбнулся Иван Иванович. Но сейчас же улыбка сползла с его бледного лица: взгляд его упал на ярко вычищенные штиблеты.

—Вот, заставь дуру богу молиться!—пробормотал Иван Иванович.

На счастье, большая куча пыли, сметенная с мостовой дворником, привлекла его внимание.

Делая вид, что он разглядывает витрину магазина, Иван Иванович стал топтаться в куче.

—Эй, гражданин! Что, или не видишь?—крикнул дворник.—Тут чисть—чисть, выметай—выметай, а вы все лезете да сорите. Что я, зря что ли чищу-то?

Ошеломленный Иван Иванович безмолвно бросился на тротуар и, толкая прохожих, почти побежал к месту службы.

—Гражданин, почистить что ли?—протянул к нему щетку чистильщик сапог.

—Отвяжись!—скрипнув зубами, огрызнулся Иван Иванович.

—И что им надо? Все только издеваются надо мной.

Спазмы давили горло, слезы готовы были брызнуть из глаз.

—Фу!—вытер лысину Иван Иванович.—Надо взять себя в руки. Ох, как сердце бьется! Не к добру это.

Швейцар, распахнув дверь, встретил Ивана Ивановича почтительным поклоном.

—Разрешите вас почистить,—засуетился он, заметив на костюме и ботинках зава пыль и грязь.—С охоты-с?

—Не дерзите!.. Что я вам плохого сделал? Кажется, не обижал, а вы все против меня!

—Видно, „хватил“ ваш Иван Иванович,—мотнул головой милиционер вслед поднимающемуся по лестнице заву.

—Вероятно, для храбрости,—согласился швейцар.

Машинально подписывая бумажки, которые ему подсовывал начканц, Иван Иванович рассеянно слушал доклад, отвечая невпопад на вопросы.

А в большом помещении канцелярии сотрудники сдвигали столы, расстанавливали стулья, вносили скамьи.

У входа собралось несколько десятков рабочих с местных заводов, чтобы принять участие в чистке.

Заметив их, Иван Иванович направился к группе с расчетом послушать, что говорят.

—Гм... чистить пришли,—заискивающе протянул Иван Иванович.

—Да, немного прочесать надо ваше канцелярское болото,—ответил пожилой рабочий, поворачиваясь к Ивану Ивановичу.—Здесь что ли служишь, товарищ? Вот я думаю вашего зава хорошенько протереть с песочком. Бюрократизм развел, как старый чиновник. Намедни пришел за справкой, а мне отвечают: „Завтра получите. Сегодняшний доклад у зава кончился“. Я и так и сяк: просил, клянчил, справки все-таки не получил

—Пропало, все пропало!—подумал Иван Иванович.—Теперь уж обязательно вычистят.

Бесполезно махнув рукой, он пошел домой.

—Иван Иванович, заходите побриться,—окликнул его парикмахер.

—Не надо,—проглотил слезы Иван Иванович,—поздно. Теперь уж слишком поздно.

—Почистить?—подскочил чистильщик сапог. Иван Иванович не ответил. Он бежал опрометью. Его жирное лицо струило потоки пота. Сердце стучало, как мотор учрежденского автомобиля, собираясь выскочить из груди. Судорожно сжатые челюсти выколачивали дробь, подобно пионерскому барабану.

Он вбежал домой и повалился в широкое плюшевое кресло:

—Каюсь... виноват... бюрократ... чинуша... простите .. жена... —бессвязные слова вылетали из его горла.

—Алло! Скорее скорую помощь!—звонила горничная.—Нервный припадок. Поскорее Да, да—у Ивана Ивановича.

ЕСЛИ НЕТ,
ТО ПОДПИШИСЬ!

ТУЛЬСКАЯ ДИВИЗИЯ НА МАНЕВРАХ.

...Шли «красные»..

...Широкими трактами, избитыми мостовыми, пыльными дорогами двигались многокилометровые колонны полков Тульской дивизии.

Бодро, с песнями шла пехота на маневры. Глухим металлическим звуком погромыхивали позади пехоты орудия, дымили походные кухни; скрипом, говором людей и ржаньем лошадей наполнялся хвост обоза. Колонны обгонялись всадниками-связными. Тревожные сирены автомобилей и мотоциклеток сдвигали колонны влево или вправо. Самолеты «бреющим» полетом разгоняли пехоту и всадников в лес, в овраг, а в деревнях—к сараям, домам, под ракиты.

На малых привалах бойцы курили, перематывали портянки,отдыхали. Врачи и лекпомы осматривали потертости на ногах, оказывали помощь пострадавшим. Политбойцы заводили беседы, чтецы и книгоноши разворачивали газеты.

Свисток, команда—и снова шли роты.

Деревни радушно встречали. Дома украшались флагами. У высоких, обвитых зеленью и лозунгами арок собирались для приветствий крестьяне. Дружным «ура» отвечали красноармейцы.

Дивизия шла на маневры.

Большой привал...

Полки расположились на отдых. Зазвенели котелки, у кухонь образовались очереди,—обед готов.

Разговоры. Делятся впечатлениями похода.

— В настоящей войне самолет бы непременно уничтожили..

— В настоящей войне он не полетел бы так низко.

Группа военкоров готовит номер «Ильичевки». Агитповозка спешит обеспечить бойцов музыкой: гармошкой, радио, струнным оркестром, подвижной концертной группой. Книгоноши снабжают красноармейцев газетами, книгами, шашками и шахматами. У агитповозки--красноармейцы, крестьяне и школьники. Раздают листовки, журналы, книги. На маневрах дивизия раздала десятки тысяч литературы в районе маневров.

Начались «бои».

Впереди «синие». Укрепились на правом берегу реки Упы. Надо сбить их и занять господствующие высоты. Небольшой ночной переход до реки. Работа сапер на переправе по наводке мостов. На реке тишина. Туман скрывает берег «синих». Вдруг несколько орудийных выстрелов с той стороны нарушили тишину. Ответила и артиллерия «красных». Начался «бой» за переправу.

Успех заметно был на стороне «красных». Надутые лодки уже перевозили пехоту на правый берег реки. Там шла усиленная перестрелка.

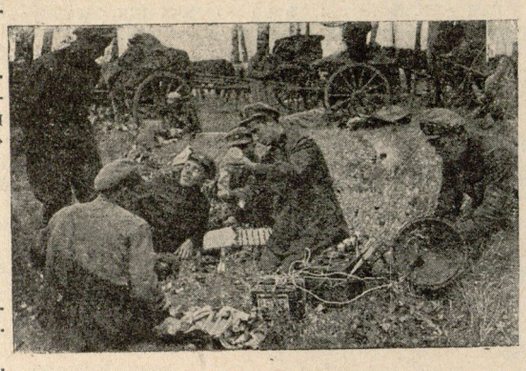
Рассветало. Туман поднялся. «Красные» гнали «синих», без боев занимая деревню за деревней.

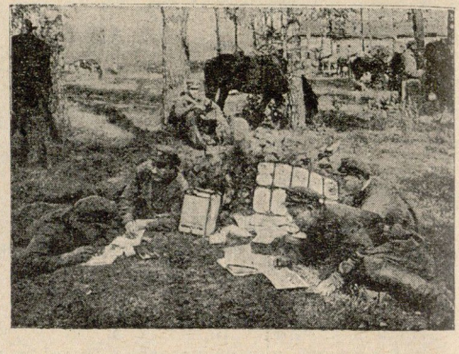
Дальше нельзя. Наткнулись на главные силы «противника». Начался упорный «бой» под с. Титово.

Маневры окончены. Произведен разбор. Экзамен выдержан. Красноармейцы и начальствующий состав показали себя вполне подготовленными.

1) Бойцы получают обед из походной кухни.

2) Агитповозка.

3) Устанавливают радио-передвижку.

4) „Ильичевка на маневрах".

5) Связь с ротой.

Проведена большая работа среди населения: кино, радио, раздача литературы, доклады, трудовая мощь — вот формы работы среди населения.

Прекрасное впечатление оставил у красноармейцев и населения РОКК на маневрах. Обувные пункты с раздачей 1000 портянок, питательные пункты для бойцов, работа среди населения вполне оправдали расходы РОКК.

На маневрах была рабочая рота Осоавиахима. Рота эта хорошо перенесла все тягости маневренной обстановки: переходы, «бои», бессонные ночи.

Маневры закрепили смычку населения с Красной армией. Классовая сознательность и политическая подготовка красноармейцев подверглись строгой проверке, и Красная армия экзамен этот выдержала. Через сотни политических бесед с крестьянами, через бойкот кулака, через организацию трудовой помощи бедняку Красная армия показала свою политическую подготовку и классовую зрелость.

Маневрами закончен годовой круг учебы Тульской дивизии.

В. Сретенский.

Поезд.

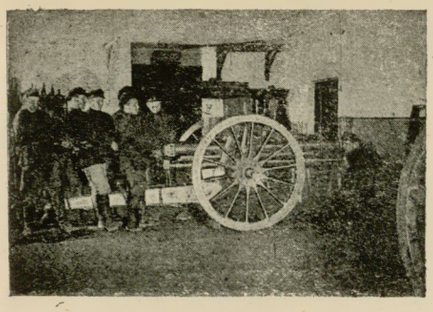
В сутолку брошен тревожный вокзал,
В сумрак уплыли огни семафора,—
В муть уползал
Взбешенный скорый.

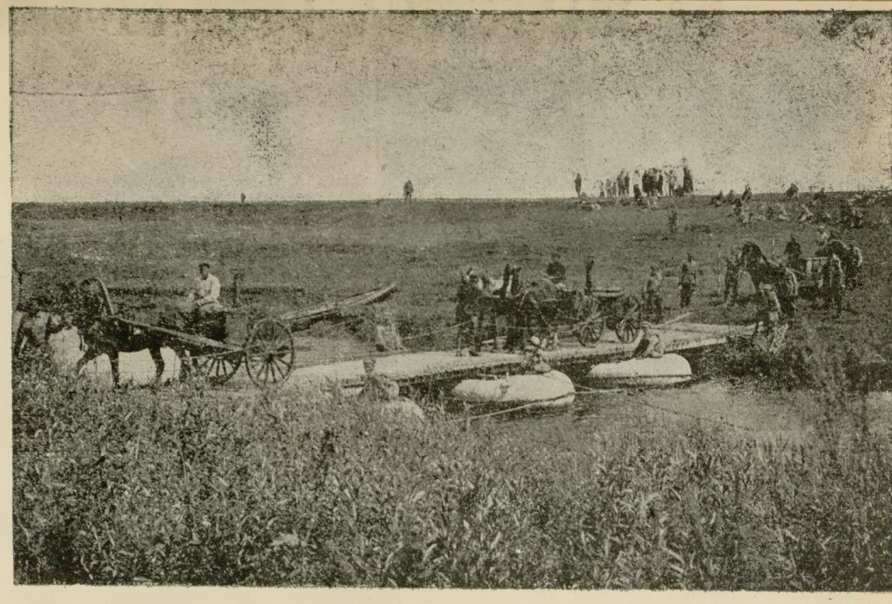
Россыпи искр растеряв на снегу,
Дыма развеяв тяжелые космы,
Будки будил паровоз на бегу
Гудом и стуком
Колесным.

Стиснут сугробами грузными путь,
Серые версты легли под откос.
За поворотом затих перегуд
И перестуки колес.

Л. Кондырев.

КРАСНАЯ АРМИЯ НА УЧЕБЕ

1) В артмастерской.
2) Переправа.

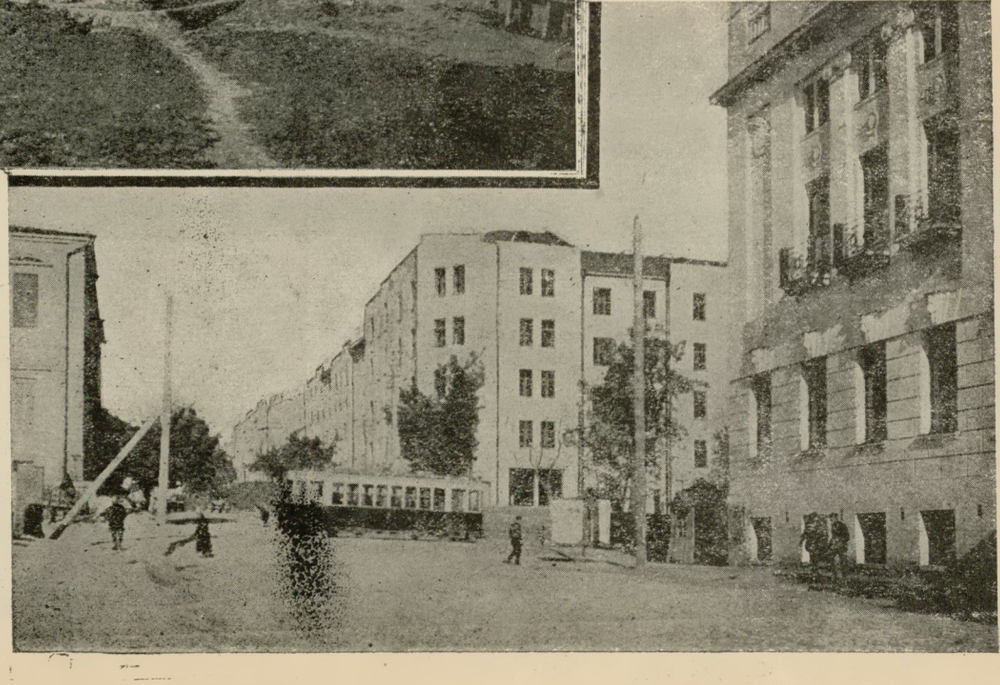
СТАРАЯ И НОВАЯ ТУЛА.

Веками стояла старая Тула. Тула голубятников, пьянства, непролазной грязи и мрака. Именитые толтосумы строили для себя с чадами и домочадцами крепкие особняки с семью запорами и зубастыми псами.

Рабочие жались в драных лачугах, семь лачуг на дворе, семь семейств в лачуге.

Менялись цари, менялось большое и маленькое начальство, но не изменялся порядок вещей.

Веками стояла старая Тула. Революция только 12 лет, и за эти двенадцать стремительно и уверенно поднялись ростки новой советской Тулы, Тулы—многоэтажных домов для рабочих, Тулы—огромных клубов, дворцов, Тулы—трамвая, электрификации.

Старое еще живет. Но то, что сделано за двенадцать лет, против того, что стояло веками, говорит за то, что жить ему не долго...

Д. Аль.

НА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СТРОЙКЕ В КОЛХОЗАХ.

Очерк Василича.

Старый помещичий особняк, где расположилась теперь коммуна «Культура» (Епифанский район), весь как-то поблек, посерел и порос мохом. С фонтана, через ярко-зеленые купы лип, видна причудливая надпись: «Построен в 1789 году, а отремонтирован в 1819 году».

Линии надписи криво изогнуты и заканчиваются замысловатыми крючками. Так писали во «времена Очакова и покоренья Крыма. Такой почерк теперь можно встретить в одних автографах Радищева, Новикова или Державина.

От надписи пахнет духом века Северной Семирамиды — Екатерины Второй. Это почти все, что осталось от тех времен.

Сделайте двадцать шагов в любую сторону,—и на вас сразу пахнет запахом самых последних лет двадцатого столетия.

Вот из-за вершин тех же лип, тополей и берез видна новенькая черепичная крыша скотного двора. По черепице выведено свежей краской: «Коммуна Культура». 1928 г. Да здравствует коллективный труд

Мертвые буквы этой надписи уверенно и тяжело осели на крыше. Очертания их четкие, прямые и резкие. Новый век, новые формы, новое содержание.

С восемнадцатого столетия здесь сидел барский паук, выжимавший соки из окружающих крестьян. Текли десятилетия,— паук равномерно ткал свою паутину. И все, решительно все оставалось по-старому. Даже ликвидация крепостного права не внесла перемен в застойный быт и застойную экономику. Поместье отсиживалось на трехполке, на хищнической эксплоатации мужицкого труда; машины, фабричные предприятия в нем отсутствовали. Паук ткал свою паутину. В семнадцатом году паука смахнули. Через пять лет сюда пришли новые люди, крепко осели на бывшей барской земле и повели работу по-новому. А через следующие четыре года здесь впервые было произнесено слово «индустриализация».

В 1927-28 годах коммунары «Культуры» (это были они) построили прекрасно сколоченный промышленный комбинат: мельницу, крупорушку, просорушку и маслобойку; поставили мятный завод; возвели громадный скотный двор.

Первые шаги на путях индустриализации сделаны. По признанию колхозников, промышленные предприятия, где человеческий труд помножен на работу машины, дают им наибольший доход.

Сейчас коммунары переоборудывают свой комбинат: заменяют в нем двадцатипятисильный двигатель шестидесятипятисильным. Предприятие ширится.

В «Красивой Мечи» (Воловский район) прошлой осенью заработал крахмалотерочный завод. По желобам из огромного подвала потекла в чаны картошка. Застучали поршни двигателей. Зашелестели по шкивам широкие ремни. За недостатком сырья завод работал только две недели. Но как работал! Комсомолец-машинист захлебывался, когда об'яснял нам эту двухнедельную трудовую нагрузку предприятия.

—Понимаешь,—говорил он,—ведь только две недели! Только двенадцать дней! А наработали товара на 24 тысячи. Это, брат, тебе не скворцы, а всамделишная работа.

Да, работа! Она пробудила у красивомеченцев огромную веру в машину, в рационально постановленный и организованный труд.

Вот почему так весело стучат топоры на красиво-меченской стройке. Вот почему так живо взвизгивают и шелестят на лесах пилы.

„Красивая Мечь“ строится. Строят большие скотные дворы; буравят громадный артезианский колодезь; возводят массивную ферму-птичник на 12—15 тыс. штук птиц закладывают жилой дом и баню.

А в шести километрах от „Красивой Мечи“, покрытые трудовым потом, орудуют коммунары „Авангарда“. У них своя забота. Авангардовцы достраивают и оборудывают винокуренный завод и тоже роют артезианский колодезь. В другую сторону от красиво-меченцев—коммуна „Крым“, организовавшаяся прошлой весной. Здесь народ молодой, но ранний. В „Крыму“ уже возводят скотный двор и закладывают постройку под кролиководство.

Социалистическому отечеству все на потребу. И если кролики дают мех на экспорт, если они улучшают мясной баланс страны, —да здравствует кролиководство! Даешь кроликов в колхозы, коммуны, артели и совхозы!

Так по большинству коллективных хозяйств. Все они охвачены строительным под'емом.

В нынешнем году колхозами возводится 22 скотных двора на 1050 коров, молочные и маслодельные заводы, птичники, артезианские колодцы и т. д., и т. п.

Стройка поглотит больше 250 тыс. руб. государственных кредитов и, примерно, столько же собственных средств колхозов из прибылей и накоплений текущего года.

За один строительный сезон в капитальные сооружения будет вложено свыше полумиллиона рублей.

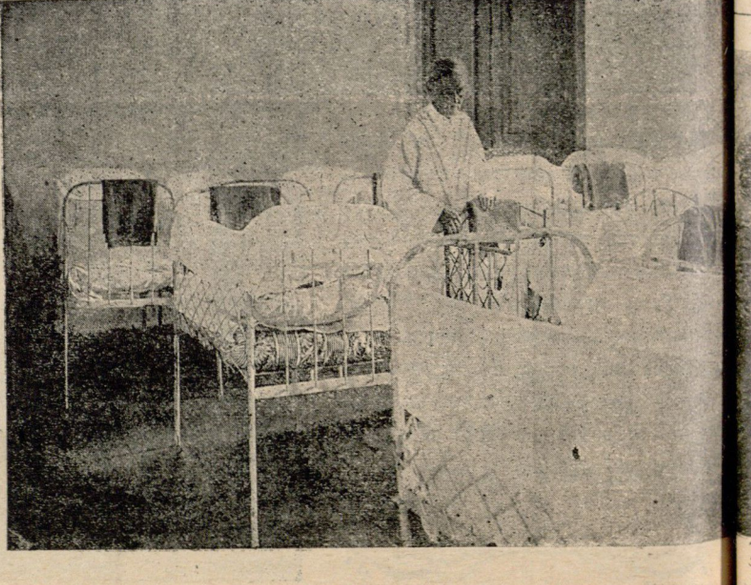
Разве это не первый камень в индустриализацию хозяйства колхозов? Разве такие вложения не обеспечивают нам коренной реконструкции сел.-хоз. производства?

Да, обеспечивают. Надо только начатое дело продолжать по намеченому пути. Надо и в сельском хозяйстве настойчиво проводить генеральную линию партии.

В „Красивой Мечи“.

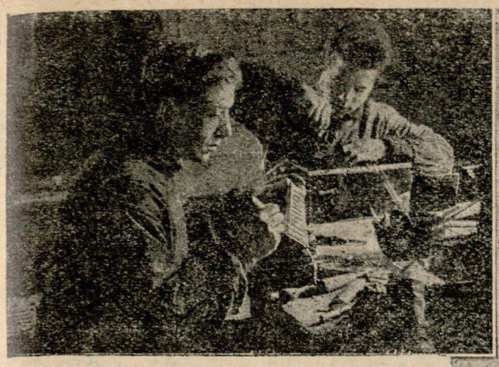

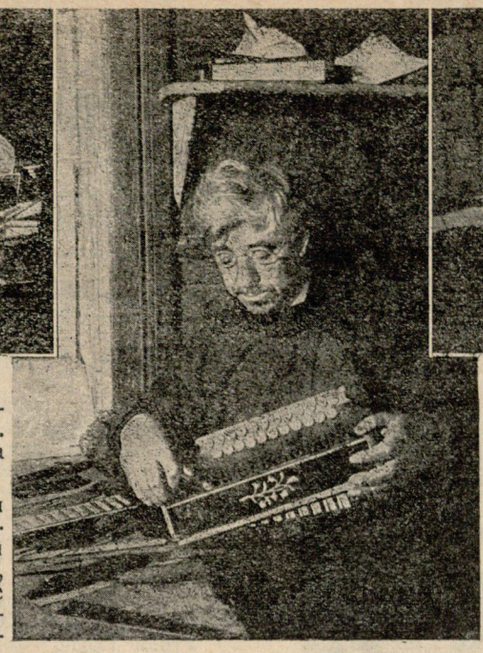
Общий вид.

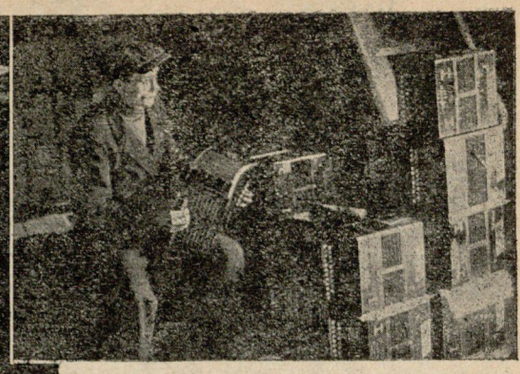

Ясли.

ТУЛЬСКИЕ ГАРМОНЩИКИ.

Лет сто тому назад берлинский музыкант Фридрих Бауман изобрел гармошку. Какими-то судьбами немецкая гармошка попала в Тулу.

Охочие до всяких новшеств туляки смекнули, что гармошки будут иметь большой спрос. Они не ошиблись: с легкой руки пионеров гармонного производства, Белоусова и Сысова, в Туле в середине прошлого столетия начался массовый выпуск гармошек. Новый музыкальный инструмент, общедоступный по технике, скоро завоевал себе много поклонников. Гармонная промышленность стала развиваться с необыкновенной быстротой, и Тула сделалась «гармонной столицей».

В наши дни интерес к гармошкам еще более усилился. Тысячами штук гармошки ежемесячно расходятся по всему СССР. Спрос не покрывается, товар, как говориться, хватают с руками. От дешевых, рублевых, детских гармошек до пятисотрублевых и дороже баянов выпускает Тула—десятки сортов и названий: тут и венские, и невские, и елецкие, и ливенские, и «тальянки» (итальянские) и пр.

Центр гармонного производства—Чулково. До войны в Чулкове было более 3.000 гармонистов; теперь число их уменьшилось наполовину, потому что в гражданскую войну производство сильно сократилось.

Знаток рабочей Тулы т. А. рассказывает:

— Гармонное производство в большинстве случаев попрежнему в руках старых гармонистов-фабрикантов дореволюционного времени. Все эти Федоровы, Глаголевы и другие сумели удержаться и выпускают в месяц на 20—30 тысяч рублей изделий.

— Загляните в мастерскую кого-либо из них: работают два—три человека, так сказать, официально, а неофициально на предпринимателя работают еще 20 квартирников (столяры, наборщицы, оклейщицы, личницы).

— Есть у нас в Чулкове и такие, которые не имеют ни вывесок, ни патентов, а работают, так сказать, «втихую».

— Квартирники-кустари, — продолжает т. А.,—работают целой семьей. Мужчины вырабатывают до 200 и более рублей в месяц, женщины, занятые еще и домашним хозяйством, ухитряются заработать до 100 руб. в месяц. Детишки со смекалкой и сноровкой тоже зашибают изрядные деньги.

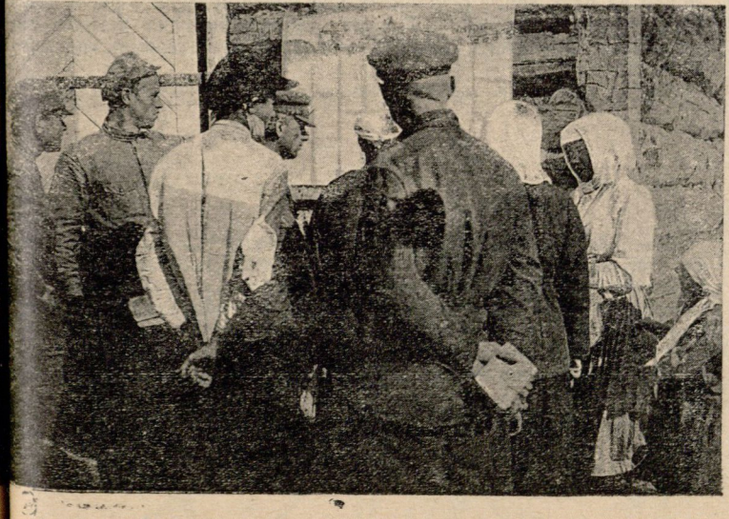
Особо стоит производство гармоний в кооперированных артелях. Дело еще не совсем тут налажено, но стоит уже, повидимому, на прочных рельсах: недавно произошло объединение двух гармонных кооперированных артелей в мощную единицу. Артель эта имеет два филиала: на Пролетарской и Епифанской. В артели насчитывается около 500 членов. Мастерские артели выпускают свыше 1000 разных гармоний в месяц.

Глеб Успенский в своих очерках оставил нам незабываемые типы тульских ремесленников. Прошло с того времени несколько десятков лет, многое изменилось в Туле, но мало изменились гармонисты. Революция только поверхностно коснулась их житья-бытья; культурно-бытовая сторона их жизни осталась почти нетронутой. Процветают среди них пьянство, азартные карточные игры, хулиганство, сквернословие. Понедельник у гармонистов обязательно «неприсутственный»: после воскресной пьяной отгулки в понедельник устраиваются похмелки. В мастерских попрежнему дикие отношения к новичкам: их табуретки густо смазывают клеем или вбивают в них острые гвозди; когда прилипнет или наколется доверчивый парень, для других—радость.

Каждый гармонист до сих пор озорно именуется какой-нибудь несуразной кличкой: «Хахай», «Конопка», «Рыжий» «Дутый» и пр. Его фамилии никто не знает, а назови кличкой, сейчас же укажут и расскажут про него всю подноготную.

— Техника производства осталась старой, примитивной: как работали старики, так работают и теперь. Надо поставить дело на хорошие фабричные рельсы, надо усилить культработу, начав, конечно, с кооперированых кустарей, надо изжить нравы «Растеряевой» улицы,—говорит т. А.,— а без этого все будет итти по-старому.

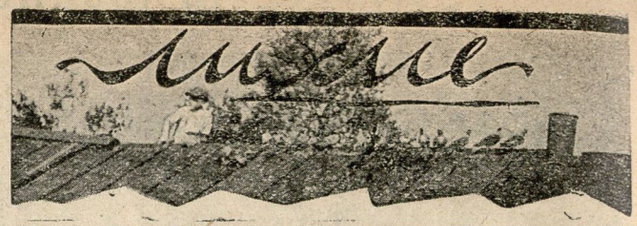
Вен. Павлович.

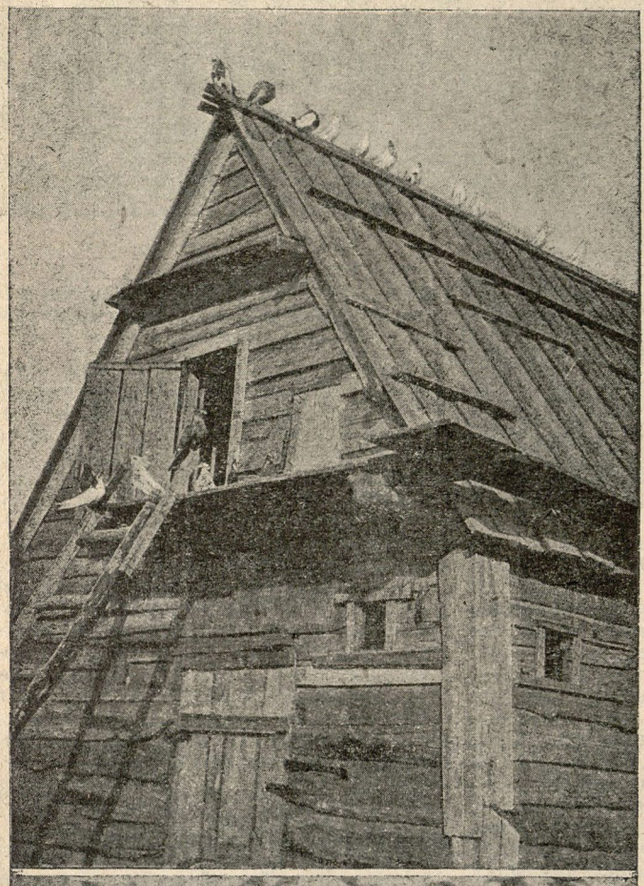

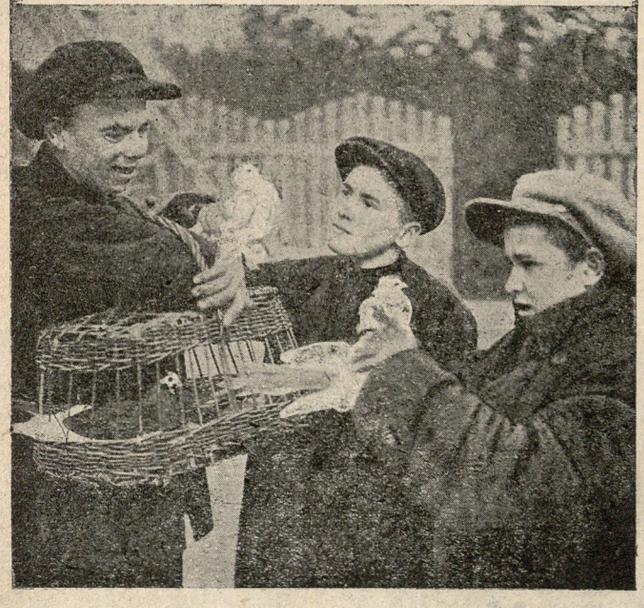
У стенгазеты.

Крахмальный завод в колхозе „Красивая Мечь".

На снимках: 1) Голубятня на окраине города.
2) Покупка голубей.

В Туле еще сохранились такие люди, для которых вся жизнь заключается в одном:

«Жаркие», «палевые», «ленистые».

Таким был и Лизарыч, — голуби для него дороже жены и детей.

Хатенка Лизарыча стоит как-то несуразно: два разбитые и замазанные окна на пустырь, заросший бурьяном в рост человека, а одно на улицу прищурилось. По беленым когда-то стенам хаты живописно разбросаны грязно-желтые пятна: это Устинья, жена Лизарыча, «ремонтировала» хату, зашлепывая глиной с грязью трещины штукатурки.

Зато крыша у Лизарычевой хаты подходящая для голубиной охоты: на два ската и высоко приподнятая, она со всех сторон видна На крыше понаделаны «полочки» и «приполочки» с маленькими оконцами, прикрытыми деревянными решетками, а на самом гребне крыши сделан тайник для ловли чужих голубей.

Утром, уходя на завод, Лизарыч заметил, что «ленистый» хохлатый голубь пропал.

— Устя! — крикнул он жене. — Ленистый, черный с хохлом пропал. Его не иначе, как поймали. Сходи к Проньке Косому или у Назарыча поспрошай. Если поймали, то выкупи хохлатого-то. Там у тебя «трояшка» отложена Сеньке на штаны, так Сенька подождет, а голубя надо выкупить.

— Дюже надо, — пробурчала Устинья, сажая в печь большой закопченный чугун с «варевом».

Ну... смотри у меня...—погрозил ей кулаком Лизарыч.

Но особенно разговаривать было некогда: второй гудок звал на работу.

* * *

Устинья голубя не выкупила. Лизарыч, изругав ее, сам утром отправился в «Охотный» ряд искать голубя. В «Охотном» ряду собрались все тульские голубятники: Макар Горбатый—знаменитый на всю Тулу, Митька Гундосый, Пронька Кривой, Васька Серый и пр.

— А, Григорий Лизарычу! Чужих что ли принес?

Начинается рассматривание голубей...

— Голубя смотреть надо со всех сторон. Это — не сапоги или брюки купить в церабкоопе,—говорят знатоки «голубиного» дела. — Тут надо «фост» (так называют хвост голубятники) по перышку пересчитать, крылья просмотреть, чтобы носик был аккуратный.

В «Охотном» много можно наслышаться разговоров о «лихих» голубях: вот старик рассказывает кучке собравшихся о том, как у него лихая, «жаркая» голубка со связанными крыльями домой за пять верст пришла. И еще много чудесного рассказывали старые голубятники. Продав чужих и выкупив у Проньки хохлатого ленистого, Лизарыч пошел с приятелями «промочить» горло.

Вот и вся жизнь голубятника,—другого у него ничего нет.

* * *

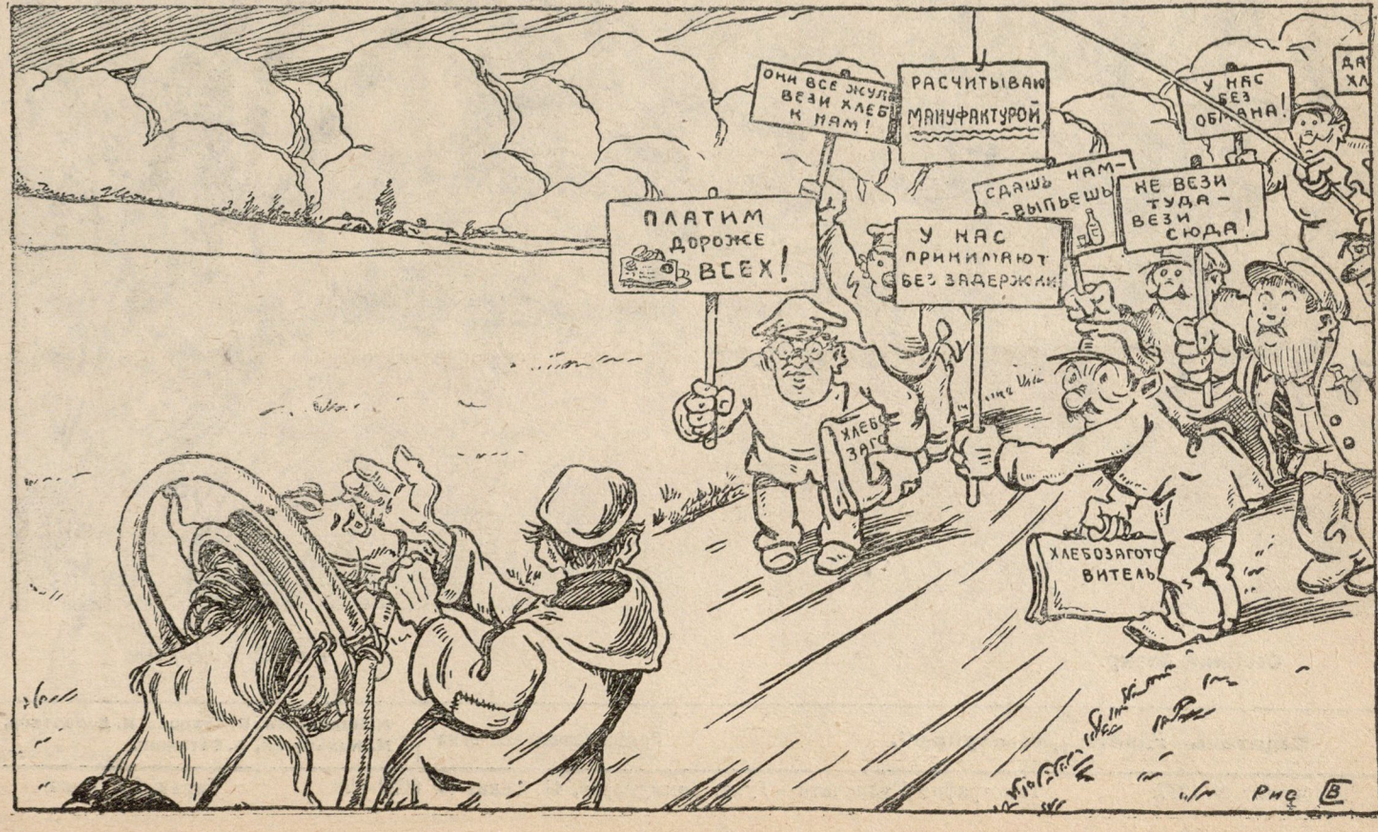
Но надо сказать, что голубятники уходят из жизни вместе со старой Тулой. По всей Туле голубятников можно по пальцам пересчитать. Они доживают последние дни, получая пенсию и греясь на солнышке у своих хатушек. Новая Тула выбивает изо всех углов старую пыль. Вместо мазанок вырастают дома-гиганты; вместо голубиных шестов над крышами домов встают шесты антенн, ловящих в эфире звуки, несущиеся со всех концов мира.

Умирает старая Тула, — умирают и голубятники.

К. Чулков.

САТИРА и ЮМОР.

Осенний базар. *Рис. С. Дмитриева.*

Издатель—газета „Коммунар". Редакционная коллегия { М. Колябская, В. Старцев, Н. Добротвор, М. Кольчугин, А. Ватажин.

Тулокрлит № 1277. Типография Тулпечати—Тула, Коммунаров, 41. Заказ № 6622—29. Тираж 2.200 экз.